

УДК 811.161.1'276.45'373.612.2(477.74-25)

Степанов Е. Н.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ОДЕССКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ АРГО

В статье описаны результаты исследования способов образования профессиональных арготизмов в русском языке. Приоритетным в русской городской речи Одессы является наиболее универсальный в условиях многоязычия лексико-семантический способ образования арготизмов. Рассматриваются группы арготизмов одесских моряков, торговцев, медработников, радиотехников, актёров, компьютерщиков, воспитателей детского сада, рекламных менеджеров, парикмахеров и др. Установлено, что чаще всего лексико-семантическая деривация в одесских арго осуществляется на основе метафоры, паронимазии и метонимии. Это отличается от ситуации, сложившейся в арго центральной части России, в которых приоритетным является морфологический способ образования новых слов.

Ключевые слова: лексико-семантическая деривация, профессиональное арго, арготизм, метафора, паронимазия, русская городская речь, одесика.

Степанов Є. М. Лексико-семантична деривація в одеських професійних арго. У статті описано результати дослідження способів утворення професійних арготизмів у російській мові. Пріоритетним у російському міському мовленні Одеси є найуніверсальніший в умовах багатомовності лексико-семантичний спосіб утворення арготизмів. Розглянуто групи арготизмів одеських моряків, торговців, медпрацівників, радіотехніків, акторів, комп'ютерників, вихователів дитячого садка, рекламних менеджерів, перукарів тощо. Визначено, що найчастіше лексико-семантична деривація в одеських арго здійснюється на основі метафори, паронимазії та метонимії. Це відрізняється від ситуації, яка склалася в арго центральної частини Росії, у яких пріоритетним є морфологічний спосіб творення нових слів.

Ключові слова: лексико-семантична деривація, професійне арго, арготизм, метафора, паронимазія, російське міське мовлення, одесика.

Stepanov Ye. N. Semantic Derivation in Odessa Professional Argots. This article describes the results of research of the word-formation in some Russian professional argots. Semantic word-formation in argots is the most versatile in terms of multilingualism. This method is priority in the Russian urban speech of Odessa. Argotisms of Odessa sailors, merchants, health care workers, radio technicians, actors, computer scientists, kindergarten teachers, advertising managers, hairdressers etc. are explored in this article. It was observed that new words are formed mainly on the basis of metaphor, paronymasia and metonymy in Odessa professional argots. This differs from the situ-

ation in the argots of the central part of Russia, in which the morphological word-formation is the priority method.

Key words: *semantic derivation, professional argot, argotism, metaphor, paronomasia, the Russian urban speech, Odessics.*

Социально-кастовая языковая диакритизация сознания, с которой связаны образованность, профессиональная деятельность личности [3, 186], исторические, геокультурные, этно-географические условия жизни человека, признаётся сегодня отечественным языкознанием. Ориентация на универсальность языковой системы уступает место в научных исследованиях изучению лингвоментальности отдельной личности, этноса, социальной или профессиональной группы людей. Сегодня науку интересуют проблемы частных реализаций установленных в языке закономерностей, тенденций, процессов, их диалектика, роль социального и личностного факторов в их появлении и развитии.

Арго определяется в социолингвистике как "подсистема языка, отличающаяся, главным образом, особенностями лексики, в меньшей степени – фонетики и синтаксиса, и выполняющая конспиративную функцию. Носителем арго является социальная группа, стремящаяся к изоляции от основной части общества, к обеспечению внутренней солидарности группы и, следовательно, к созданию и использованию тайного языка, непонятного непосвященным. Арго <...> квалифицируется как один из социолектов языка или форм существования языка" [9, с.26].

Профессиональные арго – одна из наименее изученных тем лингвистики. Сложность её исследования состоит, во-первых, в профессиональном разнообразии этих арго, во-вторых, в их относительной закрытости для посторонних, в-третьих, в их ограниченности одним экономико-географическим районом, населённым пунктом, предприятием [6; 5]. Пути и способы образования арготизмов в каждом случае своеобразны, хотя и опираются на общезыковые закономерности. Например, по наблюдениям В. Д. Бондалетова, морфологический способ образования слов является самым продуктивным в профессиональных арго русских ремесленников и торговцев [6, 10-11].

Однако наблюдения проводились на территории средней полосы России.

В 1998 году мы предложили 10 арготизмов из словаря В. Д. Бондалетова пятнадцати опытным торговым работникам-одесситам (*стаканы* = гири; *нахарежница* = рукавица; *булей* = подсолнечное масло; *белгажовый* = сахар; *мархобруд* = мясо; *никольева* = ничего; *лоскать* = скатерть; *знахтырить* = знать; *крутиха* = каша; *безрымный* = бездомный). Правильное толкование все респонденты дали лишь профессионализму *стаканы*. Представлено также от 1 до 3 правильных толкований слов *безрымный* (3), *булей* (2), *лоскать* (2), *белгажовый* (1). *Нахарежницей* же некоторые называли респиратор, *мархобрудом* – мусор или некачественный товар, *крутихой* – мошенницу, воровку, нечестную работницу, а *булеем* – бульонные кубики или клей. Вместе с тем, каждый анкетированный привёл несколько примеров современных одесских арготизмов, используемых в речи торговцев и не зафиксированных В. Д. Бондалетовым: рабочие рукавицы = *защита*, *советская мода*, *цырлодром*, *цырлятник*; подсолнечное масло = *семечка*; сахар = *цукер*, *цукерман*; ничего = *дубль пусто*, *глухо*, *воздух*; скатерть = *катя*, *катерина*; знать = *сечь*; каша = *мамалыга* (не только кукурузная); бездомный = *бомж*, *капцан*, *танкист*, *внештатный сотрудник "Альтфатера"* (фирмы по вывозу мусора). Налицо – этногеографическая и историко-хронологическая обусловленность профессиональных арго. Кроме того, данные, полученные нами в 1997-1999 г.г. в ходе социолингвистических опросов жителей г. Одессы (всего 3500 опрошенных), свидетельствуют об иных, по сравнению с жителями средней полосы России, словообразовательных привязанностях русскоязычных одесситов при образовании арготизмов.

Используя метод трендовых исследований, мы повторили через 13 лет (в 2011 г.) тот же лингвистический эксперимент в другой группе из 15-ти опытных торговых работников-одесситов. Только 10 (67 %) респондентов дали прежнее толкование профессионализму *стаканы* (= "гири"). Остальные же толковали это слово как *любые малые ёмкости для жидкости*

(1), *защитные водонепроницаемые ёмкости в бойлере для двух сухих тэнов* (2), *деталь мебельной фурнитуры* (2). *Безрымный* как "бездомный" семантизировали 4 респондента, "бездельник" – 1. Остальные пытались догадаться о значении слова на основе его паронимов: 3 – "ровный" (без рытвин); 3 – "повседневный", 2 – "прозаический", 2 – "нерифмованный" (3 последних варианта – под влиянием межъязыковой паронимии: от укр. *рима* [ры́ма] – "рифма"); 1 – "без ремня"; 1 – "без ремонта". *Булей* как "подсолнечное масло" в 2011 г. толковали 5 респондентов из 15 (видимо, значительное увеличение посевных площадей подсолнуха и изучение новых технологий производства и хранения подсолнечного масла сопровождалось передачей региональных арготизмов, именующих этот продукт. Другие варианты парономастичны: "бульон" (3), "клей" (3), "бульдог" (2), "бульба" (1), "улей" (1). *Белгажовый* семантизировали как "сахар" 2 респондента. Из остальных ответов можно выстроить ассоциативный ряд с архисемой 'признак' и яркими семами 'цвет' ("бежевый", "грязно-белый", "русый", "жёлтый"), 'размер' ("мелкий", "толстый"), 'качество' ("несерьёзный", "равнодушный"), место ("белгородский"). *Лоскать* скатертью называли 3 респондента. Остальные оказались под влиянием паронимии: "лоскут" (3), "наводит лоск" (3), "ласкать" (2), "ласка" (2), "ласковый мужчина" (1), "локоть" (1). Варианты семантизации других предложенных арготизмов совпали с вариантами, представленными в 1998 году.

Отметим, что за это время появились новые арготизмы, а некоторые из активно употреблявшихся в 1998 г. устарели. Так, *бездомных* и *нищих* продолжают называть *бомжами* (аббревиатура словосочетания *без определённого места жительства*), *капцанами* (от ид. קאָפּצאַן < ивр. קבצן [кабцн] (= "нищий") < קבץ [кабц], קבץ [кабак] – "собирать"), однако *танкистами* не назвал ни один из опрошенных, так как для Одессы проживание бездомных в люках стало нехарактерным. За это время в городе было открыто несколько приютов; многих бездомных трудоустраивают дворниками и разрешают оборудовать для жилья подвалы многоэтажек с центральным отоплением. Наряду с арготизмом

внештатный сотрудник "Альтфатера" стал употребляться в качестве арготизма дериват *союзник* – от наименования фирмы по вывозу мусора "Союз". Фирма же "Альтфатер" уже более 10 лет не функционирует. Для наименования сахара 2 респондента назвали ЛСД *саша* (обычно, они сообщают по телефону: "*Саша* приехал с тремя сумками", – когда заказанные три мешка сахара доставляют к месту торговли); 3 опрошенных предложили арготизм с коннотацией иронии *белая смерть*. Так, по их словам, заказывают товар некоторые покупатели.

Ведущими способами образования арготизмов у одесских моряков, торговцев, строителей, автомобилистов, медработников, маклеров, государственных служащих и других профессиональных групп населения являются лексико-семантическая и паронимическая деривация.

Традиционно с **лексико-семантической деривацией** в языкознании связывают многозначность слова на основе метафоры и метонимии. При этом дериватами считают производные единицы, которые осознаются как этимологически независимые и самостоятельные, находящиеся в отношении омонимии с исходными единицами [13, 256; 1, с. 84-91]. По нашему мнению, лексико-семантические дериваты (ЛСД) – это лексические и семантические единицы переходного типа, поскольку их метафоричность или метонимичность не утрачивается, пока живёт в языке мотивирующий их знак. Наши исследования свидетельствуют о том, что в основе лексико-семантической деривации лежит не только метафора и метонимия, но и паронимазия – стилистический приём, состоящий в намеренном сближении в речи слов, имеющих звуковое сходство [2, 313]. Намеренное использование паронимов рассматривается современной лингвистикой как частный случай аналогии по смежности [8; 4, 368]. Обнаруживается, что в профессиональных арго паронимазия является полноправным речевым механизмом, с помощью которого достигается функционально-семантический сдвиг в исходной единице [12, 308].

Так, в речи моряков, бизнесменов, челночных торговцев *контрабас* – это "контрабанда". Отсюда сочетания: *везти*

контрабас, *идти контрабасом*, *играть на контрабасе* (= "перевозить партию контрабандного товара"). Поскольку этот профессиональный арготизм стал известен таможенникам и пограничникам (*попасться на контрабасе*, *контрабасный товар*), моряки и торговцы стали заменять его существительными, которые находятся в гиперонимических или когипонимических отношениях с основным значением слова *контрабас* (соответственно: *инструмент*, *музыка* и *скрипка*, *гитара*, *виолончель*). Отсюда сочетания *много музыки* (= "много контрабандного груза, товара"), *конфисковать инструмент* (= "конфисковать партию контрабандного груза, товара"), *виолончель в порядке* (= "контрабанда прошла через таможню"), *гитара заиграла* (= "контрабандный товар поступил в продажу"), *скрипка на месте* (= "контрабандный груз прибыл в назначенный пункт"). В аргю сохраняются семы 'большой', 'средний', 'малый' исходных ЛСВ: *контрабас* – большая партия контрабанды; *виолончель*, *гитара* – средняя партия, *скрипка* – малая, *балалайка* – предельно малая ("ну просто смешная") партия контрабанды. Лексико-семантической деривации в семантическом поле 'контрабанда' подвергаются также наименования частей контрабаса. Кроме того, для наименования контрабанды и связанных с ней реалий торговцы и моряки используют синекдоху (слова, именующие части названных музыкальных инструментов). Например: *струна лопнула / струны лопнули* (= 1) "контрабанду конфисковали"; 2) "таможенный чиновник не смог или отказался пропустить контрабанду"); *смычки в воду / смычки за борт* (= "спрятать / выбросить контрабандный груз / товар").

Медработники, как и бизнесмены, торговцы, имеют своё аргю, поскольку вынуждены скрывать от больных часть информации. Такая привычка приводит к использованию профессиональных арготизмов не только на работе. В аргю медработников имеются паронимастические ЛСД *капелла* (= 1) "капельница"; 2) "пипетка"; 3) "медсестра"); *малярня* (= 1) "малярные работы" (малярка); 2) "материалы для малярных работ" (краски, эмали, лаки, мел, известь); *поясница* (= "женщина-экскурсовод", "переводчица"). Функционально-семантические сдвиги в этих

словах, судя по анкетам респондентов, понятны лишь медроботникам. Из опрошенных нами лиц ещё только моряки женщин-экскурсоводов, гидов и переводчиц в 5 анкетах тоже назвали *поясницами* (от глагола *пояснять / пояснить*).

В речи радиотехников зафиксировано *идиот* как паронимастический ЛСД со значением "диод". В то же время, ни медики, ни моряки слово *идиот* в таком значении не используют; у моряков и радиотехников во время эксперимента даже не возникало ассоциаций *капелла* – капельница, *малярня* – малярные работы; у радиотехников и медиков слово *контрабас* ассоциировалось только с музыкой, музыкантами, низким звуком, смычковыми и струнными музыкальными инструментами, большим размером, тяжёлым весом, но никак не с контрабандой..

Метафорический ЛСД *школа* в значениях: 1) "отоваривание"; 2) "закупка товара в одном месте с целью перепродажи в другом по более высокой цене" – возник в арго моряков в связи с наличием в слове *школа* интегрирующей семы 'непрофессиональный'. Этот ЛСД чаще используется во втором значении. Для моряков привычны сочетания: *делать школу* (= 1) "отовариваться"; 2) "сбывать товар"); *брать на школу* (= "покупать в одном порту с целью перепродажи в другом по более высокой цене"). Предполагается, что для моряков такая деятельность непрофессиональна. Та же деятельность профессиональных негодяев называется торговлей. В советское время моряки маскировали свою спекулятивную деятельность, поскольку она преследовалась законом. *Занимались же школой* все моряки, так как она приносила доход, во много раз превышавший размер зарплаты. В разное время *на школу брали* югославскую или итальянскую обувь, турецкий текстиль, японские автомобили, индийское золото, французские духи, советскую чёрную и красную икру, болгарские сигареты, жвачку и многое другое. Ещё в советское время этот ЛСД заимствовали железнодорожные проводники, стюардессы, лётчики, дипломаты, военные, другой "командировочный люд" и "профессиональные" спекулянты. В постсоветское время этот арготизм продолжает использоваться, хотя спекуляция стала дозволенной "предпринимательской

деятельностью", "бизнесом". Торговцы считают, что арготизм *школа* удобен, поскольку на понятийном уровне он включает в себя все этапы процесса: закупку, сбыт, получение прибыли. Профессиональные торговые работники *школой* обычно называют реализацию неучтённого товара (неучтёнки).

Метафорический ЛСД *атака* в значении "магазин для моряков" понятен только морякам и членам их семей (*идти в атаку* = идти в магазин для моряков; *взять в атаке* = "купить в магазине для моряков"). *Очки* в значении "бинокль" – функциональная метафора из речи моряков. Эксперимент показывает, что военнослужащие ставят слова *очки* и *бинокль* в один понятийный и функциональный ряд, однако синонимами не считают. В отличие от моряков, военные в профессиональной речи вместо слова *бинокль* иногда используют функциональные метафоры *луна*, *микроскоп*, метонимию *линзы* или номенклатурные наименования биноклей. Для самоидентификации моряки иногда пользуются арготизмом *водоплавающий* – субстантиватом, заимствованным из зоологической терминосистемы.

В современной речи моряков-одесситов арготизм *пиндос* функционирует как этноним, именующий жителя (моряка) юго-восточной Азии, хотя в общепринятом в Причерноморье просторечии так называют греков. В начале XIX века *пиндосами* называли бежавших от турецкого геноцида греков-горцев из Пинда (греч. Πίνδος – [píndos]) [10]. Среди греков они были самыми бедными и забытыми. Ещё в период синойкисмоса – образования городов-государств (*πόλις*) – на горные греческие племена этолян, акарнанов, вольских локров городские греки смотрели как на полуварваров [7, 10].

Видимо, этноним *πίνδος* в греческом языке содержал отрицательную коннотацию, которая пришла в русский язык вместе с этим эллинизмом. Отсутствие в России реалии, породившей этот этноним, обусловило "вымывание" из русского *пиндос*, в отличие от греческого, семы 'часть' при сохранении других сем. Следовательно, для носителя русского языка *пиндос* – любой грек (аналогично функционированию этнонима *русский* на территории бывшего СССР и, например, в США, Израиле).

Отрицательная коннотация этого слова поддерживалась паронимами *πίνος* [pínos] (= "грязь"); *πίνδαξ* [píndaks] (= "дно"); *πένης* [pénis] (= "бедняк" – в устной речи); межъязыковой паронимией (латинск. *pénnis*). Более 50 % моряков, по результатам анкетирования 1998 и 2010 г.г., ничего не знают сегодня об этимологии слова *πινδος*, используя его как бранное. Те же, кто знает (как правило, коренные одесситы), отмечают два значения этого слова: 1) "грек" (просторечное); 2) "глупый, невоспитанный, никчемный, нечистоплотный человек" (грубое, бранное). Новый семантический сдвиг в этом слове – метафорического происхождения. Моряки называют жителей юго-восточной Азии *πινδοсами* за их, по преимуществу, низкую образованность, бедность, антисанитарные условия жизни, слабое здоровье. Кроме того, филиппинцы и малайцы – конкуренты наших моряков на рынке труда и нередко пиратствуют.

Смежны с паронимазией случаи образования профессиональных арготизмов от имён собственных. Так, *φιλιππ* (*филиппок*) толкуется у моряков как "филиппинец", "филиппинский моряк" или "житель юго-восточной Азии" (похожий на филиппинца); *κλαβα* – "клавиатура" (у компьютерщиков); *αρτιουχι* – "посредственные артисты" (у театроведов) и некоторые другие.

Μενю в значении "программа" – функциональная метафора, ставшая профессионализмом актёров (напр.: *Εё сегодня в меню нет* = Она сегодня не задействована в спектакле, представлении, концерте). У океанологов и гидрометеорологов используются профессиональные сочетания *бульба круглого цвета* и *бульба шарового цвета*. Рекламные агенты и представители сетевого маркетинга в своей профессиональной речи маскируют глагол "рекламировать" многозначным *грузить*. Отсюда производные: *груз* (= "товар"), *нагрузка*, *загрузка* (= "реклама"). Грубо-просторечные фразеологизмы *сделать рыло*, *сделать морду* широкими слоями населения толкуются как "не признавать своей вины", "важничать". Однако в арго косметологов эти словосочетания ведут себя как синтаксически свободные и обозначают "сделать макияж" (общеупотребительное) или "сделать лицо" (профессиональное). В арго моряков *дракон* – "боцман"

(обязанный по долгу службы быть суровым, требовательным, поскольку руководит наименее сознательной частью экипажа – матросами); *дед* – "старший механик" (обычно *стармех* – умудрённый опытом пожилой мужчина, однако молодых старших механиков тоже называют *дедами*). В 2005 г. в арго воспитателей нескольких одесских детских садов зафиксирован арготизм *покемон* в значении "ребёнок". Этот арготизм содержит противоречивые коннотации, как и вымышленные существа со сверхъестественными способностями: *покемон* – от англ. *Pocket Monster* – "карманный монстр". У автомобилистов *лапоть* – 1) "колесо", 2) "покрышка"; *друшляк* [но не *душилаз*] – "выхлопная труба" (функциональные метафоры); *конюшня* – "автобус".

Компьютерщики, работая с программами "Windows" (окна), часто заменяют термин *окно* арготизмом *форточка*. Такой метонимический перенос (синекдоха) этнокультурно обусловлен, поскольку форточка – неотъемлемый атрибут восточнославянского окна, в отличие от английского, американского, немецкого, корейского и многих других окон. "Окна" на мониторе в сознании русского, украинца, белоруса воспринимаются как *форточки* (в верхней части экрана; малых размеров) [11, 58].

Кроме лексико-семантической, В. Д. Бондалетов выделяет в профессиональных арго фонетическую и фонетико-морфологическую деривацию [6, 31-50]. Хотя такая деривация и непродуктивна в современных одесских профессиональных арго, но примеры такой деривации всё же зафиксированы. Например: *кочумай* – "кончай, заканчивай" (у музыкантов); *валашебник, -ца* – "нечестный маклер" <от *волшебник и *волокита> (у маклеров по недвижимости); *не шыпается* – "не стыкается; не подходит" (у архитекторов).

Полилингвокультурное пространство Одессы формировалось таким образом, что на территории города одинаковой профессиональной деятельностью занимались и занимаются переселившиеся сюда носители уже сложившихся ранее различных национальных стереотипов (украинского, русского, еврейского, греческого, немецкого, французского, итальянского, болгарского, молдавского, албанского, сербского, польского, армянского,

корейского и многих других). Наиболее прагматичным и закономерно реализуемым в практике общественных отношений является, по нашему мнению, положение о том, что представители разных национальностей могут достичь успеха в совместной деятельности лишь при условии сформированности у них единого профессионального стереотипа. Одним из "кирпичиков", формирующих единые профессиональные стереотипы у носителей разных этнических стереотипов, является использование наиболее универсального способа образования лексических и фразеологических единиц профессиональных аргю. В условиях сложившегося в Одессе этносоциокультурного стереотипа такой наиболее универсальной для всех языков чертой и наиболее продуктивной в русских профессиональных аргю Одессы является лексико-семантическая деривация на основе метафоры, паронимии и метонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аكوпова С. Л. Лексико-семантическое образование существительных со значением лица (на основе метафоризации) // РЯШ. – 1985. – № 5. – С. 84 – 91.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 600 с.
3. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. – Одесса: Астропринт, 1997. – 272 с.
4. Бельников Ю.А. Паронимия. Паронимазия // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл.ред.В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.368.
5. Болдина Н. В. Лексика часового производства в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1989. – 24 с.
6. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство. – Рязань, 1980. – 105 с.
7. Бюхер К. Большие города в их прошлом и настоящем // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. – СПб.: Т-во "Просвещение", 1905. – С. 1 – 26.
8. Кубрякова Е. С. Аналогия // Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ, 1997. – С. 31-32.
9. Словарь социолнгвистических терминов / [РАН; Ин-т языкознания / Отв. ред. В. Ю. Михальченко]. – М., 2006. – 315 с.

10. Степанов Е.Н. Парономазия как механизм лексической деривации в профессиональных аргос одесситов / Е.Н. Степанов // Язык образования и образование языка : междунар. науч. конф., 11-13 июня 2000 г. : [материалы / отв. ред. Т.А. Лисицына]. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2000. – С. 290 – 292.
11. Степанов Е.Н. Способы образования профессионализмов в речи одесситов / Е.Н. Степанов // Мова : наук.-теор. часопис з мовознавства. – Одеса: Астропринт, 2001. – № 5-6. – С. 56 – 60.
12. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 – русский язык / Е. Н. Степанов. – Одесса, 2013. – 595 с.
13. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию.-М.: Изд-во МГУ, 1968.-310 с.